

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/94/7

Петербургское как ритуал «рождения» новой истории в поэме «Двенадцать» А. Блока

Андрей Владимирович Шаравин¹

Олег Евгеньевич Вороничев²

Светлана Ивановна Видющенко³

¹⁻³ Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
Брянск, Россия

¹ ekl1ier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

² voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

³ Swetlanalev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3550-8005>

Аннотация

Разрыв А. Блока с символизмом не означал его отказа от приемов художественной актуализации связи прошлого с настоящим. Медный всадник, Петр, Екатерина стали отголосками истории России XVIII в. в двенадцати, Петрухе, Катьке. Миф Петербурга об императорах-демиургах отзовется в поэме ритуалом шествия красногвардейцев и убийством героини, трансформирующим мифологическое в историческое как переход к жесткой мужской ипостасности власти. Божественная история окончательно перестраивается в человеческую через оппозицию энергийных атрибутов образа Христа (световое, легкое) и красногвардейцев (материальное, тяжеловесное), ожидающих Другого – человека-вождя петровского типа.

Ключевые слова

А. Блок, поэма «Двенадцать», петербургское, история, миф, ритуал, символ

Для цитирования

Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Видющенко С. И. Петербургское как ритуал «рождения» новой истории в поэме «Двенадцать» А. Блока // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 91–104. DOI 10.17223/18137083/94/7

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Видющенко С. И., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 91–104
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 91–104

The Petersburg myth as a ritual of the “birth” of a new history in the poem “The Twelve” by Alexander Blok

Andrey V. Sharavin¹, Oleg E. Voronichev²,
Svetlana I. Vidyushchenko³

¹⁻³ Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
Bryansk, Russian Federation

¹ ekllier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

² voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

³ Swetlanalev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3550-8005>

Abstract

The disengagement of Alexander Blok from symbolism did not imply a dismissal of artistic strategies that renew the relationship between previous eras and the current one. The Petersburg myth of emperor-demiurges resonates in “The Twelve” through the Red Guards’ march and Katka’s murder. This homicide serves as a ritual of sacrifice, pre-determining a “cleansing” necessary for the birth of a new history and transforming the mythological into the historical, a shift toward a harsh, masculine image of power. The study analyzes the linguistic frequency of the paronyms *vpered* (“forward”) and *vperedi* (“in front of”) as indicators of the Twelve and Christ, respectively. Christ and the Red Guards coexist in divergent dimensions: the eternal and the earthly, the timeless and the temporal. While Blok suggests that Christ’s presence reflects a readiness for the atonement of the Revolution’s transgressions, the Red Guards instinctively sense Christ’s extraneity. Their rejection of Him signals a defection toward the expectation of “the Other,” a human leader modeled after Peter the Great. This motif of the “Other” and the non-recognition of Christ, merely indicated by Blok, finds full realization in Yakov Golosovker’s “Sozhzhenny roman” (“Burned novel”). The disappearance of Most High after a gunshot allows for a reinterpretation of Blok’s *vperedi* as a spatial breakaway, signaling that Jesus eventually leaves the apostles of the new faith. Ultimately, the divine story transforms into a human one through the energetic opposition between Christ (light) and the guards (material), who await a Peter-type leader.

Keywords

Alexander Blok, the poem “The Twelve” St. Petersburg, history, myth, ritual, symbol

For citation

Sharavin A. V., Voronichev O. E., Vidyushchenko S. I. St. Peterburgskoye kak ritual “rozhdeniya” novoy istorii v poeme “Dvenadtsat” A. Bloka [The Petersburg myth as a ritual of the “birth” of a new history in the poem “The Twelve” by Alexander Blok]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 1, pp. 91–104. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/94/7

С момента опубликования в 1918 г. поэма «Двенадцать» А. Блока привлекала внимание исследователей. Сейчас, к 107-летию издания произведения, споры вокруг него не прекращаются. Исследователи видели в «Двенадцати» пафос революционного действия, слом существующей эстетической системы разговорно-песенной народной стихией [Горелов, 1973; Долгополов, 2019]. Религиозно-мифологический подход предложили литературоведы И. Приходько [1994], И. Есаулов [2012] и др. Е. Тахо-Годи [2020] рассмотрела «Двенадцать» через литературно-философский контекст образа «Святой Руси». Эти противоположные в истолковании поэмы точки зрения акцентировали различные аспекты воплощения соци-

ального, мистического и философского¹. Однако литературоведы, обращаясь к анализу мифопоэтического начала «Двенадцати», оставляли без внимания его составляющую – ритуал. В связи с этим цель статьи – исследовать поэму А. Блока в единстве мифа и ритуала, рассмотреть петербургское как ритуальное действие, определяющее переход от священной истории к новой.

Поэма «Двенадцать» А. Блока построена на маршевой энергетике направленного движения в *futurum*. И весь художественный строй поэмы нацелен на создание этого вектора в будущее. Все, что за его границами, обречено на завершенность / финитность в качестве исторически исчерпанного. А. Блок написал произведение, воплотившее фатум истории, завораживающий своей гибельной мелодией. Поэт надеялся расслышать евангельскую ноту в крушении времени. Однако сакральная христианская история, отразившая лишь авторскую идею-ностальгию, оказалась совершенно чужой, утопической для революционной эпохи. Актуальность социокультуры прошлого проявилась в поэтико-ритуальной актуализации-корректировке А. Блоком петербургского периода петровского времени.

Первая глава поэмы с превалированием черного цвета фиксирует неустойчивость реальности, проваливающуюся в пустоту тьмы и небытия между старым, уходящим, и новым, еще не образовавшимся. Ритуал призван заполнить это зияние, социализировать, приспособить для человека, утратившего возможность существовать на вселенском уровне макрокосмоса. Ритуал начинается во второй главе шествием двенадцати и продолжается в шестой убийством Катьки. Исследователи выделяют многочисленные группы обрядов². При этом подчеркивается, что «ритуал» – это «сверхдействие», «трангрессия», он «упраздняет» «любую границу», «проникает» в «любую область» [Смирнов, 2006, с. 29]. По мнению И. П. Смирнова, «революции означают вторжение ритуала в историю» [Там же, с. 47]. Шествие двенадцати – горизонтальное обрядовое движение, выражающее субстанциональную сущность ритуала. «...динамическая квинтэссенция обряда – это шествие, поступательное размыкание пути в ту нуминозную запредельность, что в своей осязательности продолжает ритуальную плоть», – отмечает исследователь [Там же, с. 51]. Как актуализация ритуала в современности, по мнению И. П. Смирнова, предстают шествия, которые трансцендируют социополитическую реальность либо в прошлое (похоронные процессии, юбилейные парады), либо в будущее (демонстрации протеста) [Там же]. Шествие двенадцати закрывает зашедшую в тупик историю прошлого – старого мира и задает-воссоздает новую историю настоящего, перенаправляя ее в *futurum*. Как происходит переформатирование движения патруля в обрядовую программу? Ритуальность шествия изначально задается и количеством участников, и особым ритмом, и первичной оппозицией черного / белого как двух мировых структур – хаос / космос и т. д. Однако трансформация мифологического в историческое, а также переход в социополитическую реальность возможны лишь через амбивалентное проявление-концентрацию исторического и мифологического, последующего их разделения, преобразования и нового форматирования. Такие возможности определены петербургским периодом, и его обнаружение в революционных реалиях начинается с именовании героев поэмы: Петруха (Петр) – Катька (Екатерина). Исследователи

---

¹ О репрезентативных публикациях последних десятилетий, различных по методологии, см.: [Грякалова, 2020, с. 13].

² О «группах» обрядовых действий см.: [Смирнов, 2006, с. 29].

почувствовали неслучайность такого названия героев «Двенадцати». В обсуждении финала блоковской поэмы, предпринятом в журнале «Знамя» в 2000 г., В. Александров сформулировал тезис о происхождении имен Катька и Петруха из петербургского мифа: «Миф о Петербурге не мог быть не близок Блоку, петербуржцу до мозга костей. Это очень блоковский миф, поскольку творцом его тоже выступило женское начало: Екатерина, Катька, императрица... Ее деяние для поэта более значимо, нежели творческий акт самого Петра, создавшего город... Воздвигнутый наперекор стихии, от стихии и погибнет. И Петька убивает Катьку. Убивает мифотворца, а стало быть, Петербурга тоже более не существует» [Финал..., 2000, с. 195].

26 марта 1910 г. А. Блок в Обществе ревнителей художественного слова присутствовал на докладе «Заветы символизма» В. И. Иванова. Отзывом на выступление поэта-символиста стал небольшой тезис, зафиксированный автором поэмы «Двенадцать» в записной книжке: «“Медный Всадник”, – все мы находимся в вибрациях его меди» (Блок, 1965, с. 169). Тезис о воздействии вибраций Медного всадника актуализирован: через памятник Фальконе в петербургскую поэму «Двенадцать» вошел петербургский период русской истории с его императорами и императрицами.

Первый русский император и петербургский период воспринимались обществом как начало русской государственности. Однако во время правления Екатерины II сформировались «антипетровские настроения» [Лисунов, 1997, с. 27]. Как отмечает П. Лисунов, хотя в Манифесте 1762 г. императрица и объявила себя «духовной наследницей Петра I», в ее личных «Записках» о первом русском императоре пишется сухо и протокольно, и «она ни разу при упоминании о предшественнике-реформаторе, не назвала его Великим» [Там же, с. 25–26]. В противовес первому русскому императору Екатерина II провозгласила культ Александра Невского и доблести допетровской России. Претензии императрицы к Петру I, по существу, сформулировала ее фаворитка княгиня Е. Р. Дашкова. Сподвижница просвещенной государыни предъявляла первому русскому императору многочисленные «обвинения». Е. Р. Дашкова в «Записках» фиксирует, что уже во время царствования Александра I происходит противопоставление правления Петра I правлению Екатерины II: «Каково было мое негодование, когда я услышала, что лица, окружавшие государя... в один голос поносили царствование Екатерины II и... восхваляли до небес Петра I, этого блестящего деспота, этого невежду, пожертвовавшего полезными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных ради своего честолюбия, побудившего его все сломать и все заменить новым, независимо полезно ли оно или нет...» (Записки..., 1990, с. 277). В итоге фаворитка русской императрицы «лишает» царя-реформатора титула «Великий» и награждает им Екатерину II, будучи убежденной в том, что Петра I «ошибочно сравнивали с этой гениальной женщиной, стоявшей несравненно выше его и поднявшей Россию на высоту великой державы, внушающей страх и уважение всей Европе» (Записки..., 1990, с. 279). Подводя итог заочному соперничеству Петра и Екатерины, П. Лисунов подчеркивает: «Культ реформатора был потеснен культом Екатерины, но ненадолго» [Лисунов, 1997, с. 29]. Можно сделать вывод: правления Петра I и Екатерины II – две модели управления российским государством. Петр I опирался на поддержку мелкого и среднего дворянства и ввел институт «личного дворянства» в противовес знатным боярским фамилиям. Просвещенная государыня идеализировала «опыт допетровской Руси», отражавший «интересы крупноземельного родовитого дворянства» [Там же, с. 30].

В поэме «Двенадцать» А. Блока имена Петра и Катьки наделены функцией культурной сверхпамяти, в том числе отсылающей к двум моделям государственности, которые ассоциировались с мужским и женским началом. В русской истории политическое соперничество «Петров» и «Екатерин» не ограничилось заочным противостоянием Петра I и Екатерины II.

Брак Петра I и Екатерины I завершился смертью царя-реформатора. Отметим, что пережившая царственного супруга Екатерина I, по ходившим в то время слухам, обвинялась в его отравлении. В контексте истории России петербургского периода был изначально задан несчастливый исход отношений «Петров» и «Екатерин» для мужчины – носителя власти. Кульминация противостояния «Петров» и «Екатерин» отразилась в отношениях царственных супругов Петра III и Екатерины Алексеевны. Традиционно и этот союз завершился несчастливо для императора. Нельзя утверждать, что А. Блок имел в виду все обозначенные нюансы. Однако автор поэмы «Двенадцать», используя прецедентные имена Петрухи и Катьки, должен был учитывать ключевые моменты русской истории: заочное соперничество Петра I и Екатерины II, а также борьбу за российский трон между просвещенной государыней и ее мужем императором Петром III.

Через «Записку о “Двенадцати”» (1920) А. Блока красной нитью проходит мысль о «капле политики» в поэме (Блок, 1999, т. 5, с. 346)³. Вместе с тем главная художественная задача поэта – раскрыть за злободневным вечное, за событиями 17-го года увидеть историю России. Жизнь блоковской Катьки отзовется аллюзиями на биографию ее венценосной ипостаси. Любвеобильность «зазнобушки, чернобровушки» неоднократно подчеркивается А. Блоком, вызывая соответствующие ассоциации («В кружевном белье ходила – / Походи-ка, походи! / С офицерами блудила – / Поблуди-ка, поблуди!» (с. 13)). Даже Н. М. Карамзин, сравнивающий императрицу с божеством в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй», в «Записке...» находит пятна на репутации просвещенной государыни: «Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно воспоминаем ее слабости и краснеем за человечество» (Карамзин, 1991, с. 43).

Одна из строк поэмы «Двенадцать», первоначально звучавшая как «Юбкой улицу мела», была переделана: «– Слова “Шоколад Миньон жрала” принадлежат Любове Дмитриевне, – сообщил Блок. – У меня было “Юбкой улицу мела”, а юбки теперь носят короткие» [Александр Блок..., 1980, с. 266]. Окончательная версия обнаруживает «екатерининский след». В XV–XVI вв. во Франции слово *миньон* обозначало фаворита, любимчика королевской особы, в том числе и любовника. В России слово *миньоны* было хорошо известно по романам А. Дюма. В контексте общепризнанной любвеобильности и «фаворитизма» Екатерины II строчка «Шоколад Миньон жрала» организует смысловое поле взаимодействия петербургского периода русской истории и русской истории 1917 г. Как известно, дворцовый переворот против Петра III был организован офицерами гвардии и поддержан возглавленными ими солдатами (в третьей главе поэмы два раза повторится это ключевое слово: «Как пошли наши ребята / В красной гвардии служить – / В красной гвардии служить – / Буйну голову сложить!» (с. 12); и блоковская Катька в «Двенадцати» буквально «окружена» офицерами, солдатами, юнкерами, которые сюжетно и создают художественную логику ее судьбы).

---

³ Далее поэма «Двенадцать» А. Блока цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Поэма «Двенадцать» А. Блока пронизана аллюзиями на екатерининскую эпоху и императрицу. Это и портретная зарисовка «толстоморденькой» Катьки, и упоминание о денежных знаках: «– А Ванька с Катькой – в кабаке... / – У ей керенки⁴ есть в чулке!» (с. 11). В письме Ю. П. Анненкову от 12 августа 1918 г. Блок наряду с простотой своей героини отмечал ее изящество, воспроизведенное художником («Катька – великолепный рисунок сам по себе... Это – не Катька вовсе: Катька – здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка; свежая, простая, добрая – здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется; всему этому не противоречит *изящество* всей середины Вашего большого рисунка (два согнутые пальца руки и окружающее)» (Блок, 1963, т. 8, с. 514)). Эту же двойственность образа почувствовал и И. Бунин: «В этой архирусской трагедии не совсем ладно одно: сочетание толстой морды Катьки с “бедовой удалью ее огневых очей”. По-моему, очень мало идут огневые очи к толстой морде. Не совсем кстати и “пунцовая родинка”, – ведь не такой уж изысканный ценитель женских прелестей был Петруха!» (Бунин, 2006, т. 9, с. 149). Бунина подсознательно раздражала родинка пунцового цвета как колорит императорского двора (Екатерине II очень нравился ее непарадный портрет (1787) кисти М. Шибанова: возрастная государыня в дорожном костюме темно-красного цвета; императрица неоднократно заказывала с него копии). Аллюзия двенадцати, в том числе Петрухи, к царю-реформатору отражается в авторском обозначении движения красногвардейцев «державным» («Вдаль идут державным шагом» (с. 19)). Во второй главе поэмы «Возмездие» А. Блок, воссоздавая образ погруженного в сон «перед майскими ночами» Петербурга, описывает миражное появление первого русского императора на невских берегах («(Сон, или явь): чудесный флот, / Широко развернувший фланги, / Внезапно заградил Неву... / И Сам Державный Основатель / Стоит на головном фрегате...» (с. 47)). Обращает внимание эпитет «державный», аллюзивно соединяющий Петра Первого и двенадцать. А. Блок в одном из первых вариантов поэмы давал другое описание царя-реформатора, из одического переходящее в готический хоррор («Как в страшном сне, но наяву: / Мундир зеленый, рост саженный, / Ужасен выкаченный взгляд; / Одной зарей окровавленны / И царь, и город, и фрегат... / Царь! Ты опять встаешь из гроба / Рубить нам новое окно? / И страшно: белой ночью – оба – / Мертвец и город – заодно...» (с. 244–245)). В окончательном варианте поэт не включил такой образ основателя Петербурга в произведение, однако возможный ракурс восприятия был задан: обнаруживается внутреннее единство «окровавленного» Петра и вопроса двенадцати к Петрухе («Али руки не в крови / Из-за Катькиной любви?» (с. 18)). Так *интуитивно* или осознанно образы Петрухи и Катьки ассоциативно «встроены» А. Блоком в «Двенадцати» в монарший петербургский дискурс.

Движение красногвардейцев в поэме также названо А. Блоком и «революционным» шагом: «– Шаг держи революционный!» (с. 18). Соотнесенность «Петр – революционер» была намечена еще А. С. Пушкиным. В «Заметке» (1823) писатель именует Петра «революционной головой», очевидно, образуя словесную форму по аналогии с фразеологизмом «сорвиголова» (Пушкин, 1996, т. 12, с. 178). Его заметка «О дворянстве», написанная в 30-е гг., выстраивает следующий ряд: царь-реформатор, Робеспьер, Наполеон («Пётр I – одновременно и Робеспьер

---

⁴ «Керенки» – название купюры 1917 г. по имени главы Временного правительства; ср. с однотипным «катенька», «катеринка» – наименования сторублевой купюры с портретом Екатерины II, которая ввела бумажные деньги.

и Наполеон (воплощение революции)» (Пушкин, 1996, т. 12, с. 205)). После выхода поэмы «Двенадцать» будут опубликованы стихотворение «Петру» (1920) М. Цветаевой и поэма «Россия» (1924) М. Волошина. Поэтесса называет первого русского императора: «Родоначальник – ты – Советов» (Цветаева, 1994, т. 1, с. 565). М. Волошин художественно моделировал парадоксальный образ Петра Первого «мясника-ваятеля», соединив черты убийцы и творца, в контексте которого даже обозначение Петра Первого «первым большевиком» не было неожиданным (Волошин, 2003, т. 1, с. 373). Произведения А. С. Пушкина, М. Цветаевой, М. Волошина и др. убеждали, что логика восприятия первого русского императора от образа царя-реформатора к образу царя-революционера отражала главный вектор эпохи.

Возникает вопрос: как просторечная форма имени одного из героев «Двенадцати» – *Петруха* – соотносится с Петром Великим? В воспоминаниях И. Эренбург приводит пренебрежительное именование Сталиным Петра I: «С. М. Эйзенштейн рассказывал о своей встрече со Сталиным, который, говоря, что необходимо возвеличить в глазах народа Ивана Грозного, добавил: “Петруха недорубил...”», хотя в официальной записи беседы вождь народов называет царя «Петром I» (Эренбург, 2000, т. 8, с. 375). Б. Сарнов отмечал «идеологический переворот», произошедший в 30-е гг. как переход от «революционной идеологии» к «царистской», начать который «удобнее всего было именно с Петра», олицетворявшего «революционера, беспощадно рушившего устои старого русского быта», и «государственника, создателя мощной державы, символа величия и славы России» [Сарнов, 2009, с. 48]. И хотя Сталин отрицал сходство социальных и политических преобразований в советском государстве с петровскими реформами, неофициально это сопоставление одобрительно принималось им как идеологический фон. К концу 30-х параллели с царем-реформатором утратили актуальность. На смену Петру Великому приходит Иоанн Грозный, ставший новой знаковой фигурой сталинской эпохи.

Все сказанное подтверждает логику и художественную необходимость «присутствия» петербургского контекста имен Катьки и Петрухи в блоковской поэме. Однако поэт переосмысливает историческую правду о царственных носительницах имени, всегда переживавших своих мужских «оппонентов». Художественная история, смоделированная А. Блоком, другая: в поэме «Двенадцать» Катька гибнет от руки Петрухи. Для поэта в этом логика новой эпохи. Женская ипостасность власти, более милосердная, хотя и более безалаберная, уступает место жесткой и беспощадной мужской державной ипостасности, олицетворенной именем Петра / Петрухи.

Кроме реалий, ассоциирующихся с петербургским периодом истории, смерть Катьки полностью ритуализирована. Убийство «азнобушки», «чернобровушки» – это преодоление некреативности «рождающейся смерти» и переход к церемониалу «рождения смерти». И. П. Смирнов различает эти два понятия по признаку производительности / непроизводительности. В поэме «Двенадцать» обряд призван ликвидировать балансирование «на грани “символического порядка” и “символического беспорядка”» [Смирнов, 2006, с. 47]. «Свою регенеративную надежду ритуал получает, возводя генерируемую им смерть в квадрат, убивая уже неживое», – считает И. П. Смирнов [Там же, с. 46–47]. Ритуал обновления власти в архаическом обществе включал ритуал замещения правящего. Происходила «временная замена царя рабом, что, разумеется, расстраивает государственные дела». «Преодолением этой космохаотической ситуации было убийство раба, т. е.

политически мертвого существа», – делает вывод И. П. Смирнов [Там же, с. 47]. Смерть раба в ритуале – «смерть смерти», обновляющая государственную ситуацию и возвращающая космическую энергию власти законному правителю, в результате церемониал «рождения смерти» совершен, креативность государственности восстановлена [Смирнов, 2006, с. 48].

В поэме А. Блока проститутка Катька, покупаемая офицерами, юнкерами, солдатами, эквивалентна продаваемому рабу из архаического общества. Ее социальный статус (гуляет в кабаке, роскошная одежда, деньги, мчится на лихаче) ритуально выполняет функцию «королевы на час». Смерть героини в поэме предопределена, неслучайно лихач описывает роковые круги вокруг двенадцати, доставляя ритуальную жертву на неизбежную расправу («...**О**пять навстречу несется вскачь, / Летит, вопит, орет лихач...» (с. 13)). Убийство Катьки – необходимый обряд обретения новой государственности, замещение временной властительницы / проститутки настоящим, истинным, прирожденным правителем. Ритуал преобразования мифологического в историческое посредством жертвоприношения «включает в себя процедуру очищения» [Смирнов, 2006, с. 48]. До смерти Катьки снег инертно покрывает петербургское пространство (в первой главке: «Завивает ветер / Белый снежок» (с. 7); во второй: «Гуляет ветер, порхает снег» (с. 11)). И только с приближением лихача к двенадцати интенсивность движения снега намного увеличивается («Снег крутит, лихач кричит, / Ванька с Катькою летит» (с. 12)). Ритуальное тело мертвой Катьки в контексте люстрационной функции обряда классифицируется как отходы, отбросы, и это подтверждается оценкой одного из двенадцати: «Что Катька, рада? – Ни гу-гу... / Лежи ты, **падаль**, на снегу» (с. 15). Лишь после смерти героини движение снега достигает апогея («Разыгралась чтой-то вьюга, / Ой, вьюга, ой, вьюга! / Не видать совсем друг друга / За четыре за шага!» (с. 18)). Засыпающая тело Катьки вьюга восстанавливает однородность белого пространства в поэме, символизируя очищение мира от хлама и грязи. Окончательное превращение снега в субстанцию, очищающую реальность, закрепляется «Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной...» шага Иисуса Христа (с. 20).

Петровская эпоха историками XIX в. описывалась как движение общества по новому пути. «Необходимость движения на новый путь была признана... народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; и вождь явился», – писал С. М. Соловьев о появлении на историческом поприще фигуры Петра I [Соловьев, 1984, с. 38]. Путь двенадцати в поэме обозначен до десятой главки как «революционный... шаг», и только с нее начинается обозначение вектора «вперед», «вдаль» уже как «державный шаг». С образом Спасителя также связаны паронимы *вперёд* / *впереди*, повторяющиеся при описании пути патруля. В связи с двенадцатью наречие *вперёд* употребляется в десятой главке три раза, в одиннадцатой – два. Эти строки интертекстуально перекликаются с припевом «Варшавянки» (1905): «На бой кровавый, Святой и правый, Марш, марш **вперед**, **Рабочий народ!**». И в начале двенадцатой части поэмы пароним *впереди* по отношению к красногвардейцам также употреблен два раза («Это – ветер с красным флагом / Разыгрался впереди... Впереди – сугроб холодный...» (с. 19)). Слово *впереди* образует «лексический» круг («впереди... Впереди»). Повтор на стыке строф паронима *вперед*, воспринимающегося как стяженный вариант *впереди*, в смысловом поле поэмы совпадает с ограничением марша двенадцати: перемещение патруля упирается в сугроб, снег затрудняет «державный шаг» («Да в сугробы пуховые – / Не утянешь сапога...» (с. 18)). Слово-лейтмотив *вперед* в дан-

ном контексте передает замедленность движения – ритмичной роковой поступи двенадцати. В экспрессивно-семантическое поле данной лексической единицы в поэме органично включается и квазикорень слова *сузроб* (*су-зроб*). Появление Иисуса Христа в поэме акцентирует мотив очищения / спасения через смерть и обретения жизни вечной. Образ Спасителя полностью меняет петербургский хронотоп. Архитектурный ландшафт улиц Северной Пальмиры превращается в трансцендентное пространство вечной холодной пустыни: «И вьюга пылит им в очи / **Дни и ночи / Напролет...**» (с. 19). И двенадцать, уходящие в инфинитность космоса, внезапно оказываются спутниками Бога во вневременном движении. Но патруль красногвардейцев не ощущает божественные эманации, Спаситель воспринимается ими как «лютый враг» («Вот – проснется / Лютый враг...» (с. 18)). Отречение от Христа «выбрасывает» двенадцать назад в петербургское пространство, окруженное домами («– Кто там ходит беглым шагом, / Хоронясь за все дома?» (с. 19)). Ассоциативно слова *сузроб* и *дома* как атрибуты хронотопа красногвардейцев связаны (су-гроб – гроб, дом – домовина). Однако если холодная, вьюжная смерть через снежность Христа реализована как жизнь вечная (так смерть Катьки, блестящей жемчугом зубов, отзовется жемчужной поступью Иисуса), то после отказа двенадцати от Спасителя символика патруля, окруженного домами, обозначена как смерть без воскресения. В последней строфе поэмы слово *впереди* – атрибут образа Христа. Оно обретает истинный смысл в соотношении с Божественным образом, создавая смысловое поле существования Иисуса, в отличие от лозунгового «вперед, вперед, рабочий народ», атрибутирующего двенадцать («**Впереди** – с кровавым флагом, / И за вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной / В белом венчике из роз – / **Впереди** – Иисус Христос» (с. 20)). Отметим, что паронимы *вперед* и *впереди* как атрибуты двенадцати в контексте поэмы противопоставлены наречию *впереди*, связанному со Спасителем, граница между ними – звуки выстрелов, графически оформленные и разделяющие строфы:

Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом – ...
(с. 19–20)

Семантика будущего, связанная с паронимами *вперед* / *впереди*, в последней строфе поэмы реализуется только в связи с образом Христа. Двенадцать и Спаситель оказываются в разных измерениях-хронотопах: земном и вечном, вневременном. Державный шаг двенадцати тяжел и впечатан в мерзлую петербургскую землю, подобно «тяжело-звонкому скаканию» «Всадника Медного» из пушкинской поэмы, а поступь Спасителя «нежна» и «надвьюжна». Для Христа путь с кровавым флагом по петербургским улицам повторяет путь с крестом на Голгофу. Для автора двенадцать в материально-телесном облике, идущие «державным» шагом, никогда не смогут догнать невесомого, «надвьюжного», сотканного из света Спасителя. Размышления об образе Христа в поэме мучительны для А. Блока. «– Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они его”, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ?», – замечает поэт в «Записной книжке» 18 февраля 1918 г. (Блок, 1965, с. 388–389).

Для А. Блока несомненно: Христос с двенадцатью, и это готовность Спасителя к искуплению греховности русской революции. Мысли поэта о Другом во главе красногвардейцев – это мысли, по С. М. Соловьеву, о вожде, которого ждет народ, собравшийся в дальнюю дорогу. Рассуждения о Христе и о Другом, который должен быть во главе двенадцати, перерастают в тревожную думу А. Блока об историческом пути России. Поэт художественно разрешил возникшее противоречие: красногвардейцы инстинктивно чувствуют чуждость Христа происходящему, отказываются от него, совершая отступничество, и ожидают появления вождя-человека, пугачевскую ипостась Петра Великого. Мотив Христа / Другого в «Двенадцати» лишь обозначен, он получил свое полное воплощение в произведении «Сожженный роман» Я. Голосовкера, действие которого происходит в Москве после 17-го года. Автор художественно проверяет: нужен ли Христос постреволюционному миру? В поэме А. Блока и романе Я. Голосовкера повторяется мотив стрельбы в Иисуса. Эпизод с появлением Христа на Кремлевской стене в прозе окончательно оформляет инвариант мотива ненужности Спасителя в послереволюционной России. Как и в поэме «Двенадцать», в романе мотив узнавания Христа связан с мотивом отказа от Бога. У Блока красногвардейцы дают отповедь Петьке, затем «идут без имени святого» и, наконец, вместо Иисуса, который «за выюгой невидим», опознают какой-то неясный силуэт с флагом (с. 18, 20). В романе Я. Э. Голосовкера воссозданы этапы рождения мифа: возникновение слуха-шепота «о явлении человека на Кремлевской стене», который распространяется по всей территории России (Голосовкер, 1998, с. 69)⁵. Затем «неясное и зыбкое» переформатируется «в легенду» и «оплотняется» «в быль». Это связано с опознанием человека на Кремлевской стене как Ленина. Я. Э. Голосовкер подробно описывает, как происходит узнавание умершего вождя. Сначала «как-то само собой его имя было шепотом произнесено: *Ленин!*», затем опознаются жесты, походка (с. 70). Автор раскрывает механизм образования мифа как желание «непостижимой души народа», «не соглашающейся» на смерть вождя и «рождающей легенды о том, кого она вечно чаёт и вечно теряет» (с. 70). В объяснении причин опознания призрака Ленина на Кремлевской стене уже содержится замена мифа о Спасителе на миф о вожде. Я. Э. Голосовкер ставит художественный эксперимент: там, где появлялся, по слухам, призрак Ленина, возникает Иисус. Для писателя важно соединить эти два образа и выявить реакцию окружающих. Часовые узнают Христа («Его узнали. Должны были узнать: кто с малолетства не видел его образ?» (с. 72)). Однако неповторимый и такой привычный образ для охраны Кремля сливается с образом Ленина, в их сознании соединились «два образа: *Самого*, который тоже гулял по стене и *Его*, того, который сейчас» (с. 72). Психологическое состояние часовых повторяет психологическое состояние красногвардейцев А. Блока – их охватывает злорадие. И итог – пальба в Иисуса и в поэме, и в романе. Исчезнувший после выстрела Христос в романе Я. Э. Голосовкера позволяет домыслить контекст блоковского *впереди* как пространственный разрыв между Спасителем и двенадцатью и осознать Иисуса, уходящим от не принявших Его апостолов новой веры.

И еще одно совпадение в текстах: кровавый цвет в финале произведений («Впереди – с кровавым флагом» (с. 20); «Зарево заката кровавым потоком пролилось на его белую одежду и окровавило ее... На стене стоял *Красный Иисус...*

---

⁵ Далее роман Я. Голосовкера цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

и ладони *Ego* были красны. Казалось, что не закат, а эти истерзанные ладони заливают кровью Кремль» (с. 72)). Символика крови, кровавого цвета прежде всего соотносится с символикой копыя, нанесшего раны Иисусу. Только в поэме А. Блока копыю уподоблено древко флага, а в романе оно подразумевается льющей кровью Спасителя. Мифологическое значение уподобляет кровь чернилам, а копые – перу. Явление Христа завершило мифологию и обозначило гибель старого мира и рождение новой истории. «Из раны, нанесенной копыем на божественном теле Спасителя, вытекает кровь, которой пишется новая История. Божественная кровь становится материалом для создания новых значений. Человек пишет свою историю, пользуясь для ее написания копыем и кровью, как пером и чернилами», – замечает М. Евзлин [1993, с. 237]. В поэме «Двенадцать» память о жертве Христа отзывается пролитой кровью Катьки. Кровью «малых и неразумных» пишется Новая История, которая превыше Бога и человека, ведь «...Бог открывает человеку секреты грамматики, но текст, согласно ее правилам, составляет человек...» [Там же]. Таким образом, ряд мотивов, только обозначенных в поэме А. Блока, роман Я. Голосовкера позволяет более точно идентифицировать: мотивы неузнавания Христа двенадцатью, ожидания человека-вождя, а не Христа-Спасителя и уходящего от красногвардейцев Иисуса. Данный комплекс мотивов и формирует лейтмотив «Двенадцати» – разрушение божественной истории и ее замена историей человеческой.

Список литературы

- Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. 527 с.
- Горелов А. Е.* Гроза над соловьиным садом. 2-е изд. Л.: Сов. писатель. 1973. 608 с.
- Грякалова Н. Ю.* Поэма-мистерия «Двенадцать» и жанр «городских видений» в творчестве Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. Вып. 6. С. 5–26.
- Долгополов Л. К.* Прогулки с Блоком. СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.
- Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 337 с.
- Есаулов И. А.* Мистика позднего А. Блока // Русская классика новое понимание. СПб.: Алетейя, Историческая книга, 2012. С. 232–253.
- Лисунов П.* Пушкин – историк Петра: «История Петра» в творческом сознании Пушкина 1830-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 171 с.
- Приходько И. С.* Мифопоэтика А. Блока. Владимир, 1994. 132 с.
- Сарнов Б.* Сталин и писатели. М.: Эксмо, 2009. 832 с.
- Смирнов И. П.* Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с.
- Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 232 с.
- Тахо-Годи Е. А.* «Святая Русь» в поэме А. Блока «Двенадцать»: художественный и литературно-философский контекст // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. Вып. 6. С. 26–37.
- Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11. С. 190–207.

Список источников

- Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. (+ допол.). М.; Л.: Худож. лит., 1960–1965.

- Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
- Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). 563 с.
- Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. (доп.: 14, 15, 16 тома). М.: Воскресение, 2006–2007.
- Волошин М. Собр. соч.: В 13 т. (17 книгах). М.: Эллис Лак, Азбуковник, 2003–2015.
- Голосовкер Я. Э. Засекреченный секрет. Философская проза. Томск: Водолей, 1998. 224 с.
- Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М.: Современник, 1990. 540 с.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресение, 1994–1997.
- Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1990–2000.

References

- Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t.* [Alexander Blok in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1980, vol. 2, 527 p.
- Dolgopолоv L. K. *Proquki s Blokom* [Walks with Blok]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 336 p.
- “Dvenadtsati” – vzglyad iz 2000 goda [The finale of “The Twelve” – a view from 2000]. *Znaniya*. 2000, no. 11, pp. 190–207.
- Esaulov I. A. Mistika pozdnego A. Bloka [The mysticism of late A. Blok]. In *Russkaia klassika novoe ponimanie* [Russian classics: a new understanding]. St. Petersburg, Aleteyya, Istoricheskaya kniga, 2012, pp. 232–253.
- Evzlin M. *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and ritual]. Moscow, Radiks, 1993, 337 p.
- Gorelov A. E. *Groza nad solov'inym sadom* [Thunderstorm over the nightingale garden]. 2nd ed., Leningrad, Sov. pisatel', 1973, 608 p.
- Gryakalova N. Yu. Poema-misteriya “Dvenadtsat” i zhanr “gorodskikh videniy” v tvorchestve Bloka [The mystery poem “Twelve” and the genre of “city visions” in the work of Blok]. In *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Research and materials]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2020, iss. 6, pp. 5–26.
- Lisunov P. *Pushkin – istorik Petra: “Istoriya Petra” v tvorcheskom soznanii Pushkina 1830-kh gg.* [Pushkin – Historian of Peter: “The History of Peter” in Pushkin’s Creative Consciousness of the 1830s]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1997, 171 p.
- Prikhod'ko I. S. *Mifopoetika A. Bloka*. [Mythopoeitics of A. Blok]. Vladimir, 1994, 132 p.
- Sarnov B. *Stalin i pisateli* [Stalin and the writers]. Moscow, Eksmo, 2009, 832 p.
- Smirnov I. P. *Genesis. Filosofskie ocherki po sotsiokul'turnoy nachinatel'nosti* [Genesis. Philosophical essays on socio-cultural beginnings]. St. Petersburg, Aleteyya, 2006, 288 p.
- Solov'ev S. M. *Publichnye chteniya o Petre Velikom* [Public readings about Peter the Great]. Moscow, Nauka, 1984, 232 p.

Takho-Godi E. A. "Sviataya Rus" v poeme A. Bloka "Dvenadtsat": khudozhestvennyy i literaturno-filosofskiy kontekst ["Holy Russia" in Alexander Blok's poem "The Twelve": artistic and literary-philosophical context]. In *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Research and materials]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2020, iss. 6, pp. 26–37.

List of sources

Blok A. A. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete collected works and letters: In 20 vols.]. Moscow, Nauka, 1999, vol. 5: Stikhotvoreniya i poemu [Verses and poems] (1917–1921), 563 p.

Blok A. *Sobr. soch.: V 8 t. (+ dopol.)* [Collected works: In 8 vols. (+ suppl.)]. Moscow, Leningrad, Khudozh. lit., 1960–1965.

Blok A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, Khudozh. lit., 1965, 664 p.

Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. (dop.: 14, 15, 16 toma)* [Complete collected works: In 13 vols. (suppl.: 14, 15, 16 vols.)]. Moscow, Voskresenie, 2006–2007.

Erenburg I. G. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1990–2000.

Golosovker Ia. E. *Zasekrechenny sekret. Filosofskaya proza* [The classified secret. Philosophical prose]. Tomsk, Vodoley, 1998, 224 p.

Karamzin N. M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskoy i grazhdanskoj otnosheniyakh* [Note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moscow, Nauka, 1991, 127 p.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 19 t.* [Complete collected works: In 19 vols.]. Moscow, Voskresenie, 1994–1997.

Tsvetaeva M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Collected works: In 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 1994–1995.

Voloshin M. *Sobr. soch.: V 13 t. (17 knizhok)*. [Collected works: In 20 vols (17 books)]. Moscow, Ellis Lak, Azbukovnik, 2003–2015.

Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin 18 – pervoy poloviny 19 vekov [Notes and memories of Russian women of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow, Sovremennik, 1990, 540 p.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Шаравин, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологического факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, профессор кафедры методики начального образования и педагогического менеджмента факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

Светлана Ивановна Видющенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологическо-

го факультета Брянского государственного университета имени академика
И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

Information about the authors

Andrey V. Sharavin, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Faculty of Philology, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russian Federation).

Oleg E. Voronichev, Doctor of Philology, Professor, Department of Elementary Education Methodology and Educational Management, Faculty of Psychology and Pedagogy, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russian Federation).

Svetlana I. Vidyushchenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Faculty of Philology, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky (Bryansk, Russian Federation).

*Статья поступила в редакцию 07.02.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 18.03.2025
The article was submitted on 07.02.2025;
approved after reviewing on 18.03.2025; accepted for publication on 18.03.2025*